

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья.....	35
Глава четвертая.....	49
Глава пятая	68
Глава шестая	85
Глава седьмая	104
Глава восьмая	121
Глава девятая.....	138
Глава десятая	155
Глава одиннадцатая.....	173

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

— Сюда, сюда! Скорее, дядь Сереж! Вон там, у оврага! Видите? Ничего мы не придумали!

Да уже понятно, что не придумали. Впереди, среди деревьев, поднимается из оврага сероватый дымок, и вместе с ним рассеивается последняя надежда на детскую шалость. Что там, за краем, робко покрывающимся мелкой зеленой травкой, еще не видно, но ясно, что это не оставленный кем-то костер, не подожженный сушняк. Да и снега там больше, чем выглянувшей навстречу жесткому апрельскому солнцу подсохшей травы, — чему уж там гореть? Дым тревожный. Тревога передается сердцу, тяжелым комом подкатывает к горлу ощущение непоправимого. Он уже знает, что там увидит. И знает кого.

— Мы же ехали, как всегда, дядь Сереж! Кто ж думал, что так будет? — галдела курихинская детвора, забегая вперед участкового, наперебой стремясь показать дорогу к страшной находке. — А смотрим, мать Фаина зашаталась, руль из рук выпустила, за грудь схватилась. Машину стало

заносить в сторону. Васька как закричит: «Разобьемся!»

— Да, да! Он не только это крикнул. А Верка его заткнула, говорит: «Молчи, дурак! Рот с мылом помой! Может, матушке плохо? Матушка, вам плохо?» — спрашивает.

— Ага, точно! А мать Фаина затормозила и как будто что-то сказать хотела, повернулась, и взгляд такой страшный, а в глазах как будто кровь. Правда?

— Да показалось тебе! Взгляд как взгляд, только испуганный. И как будто рукой на что-то показывала. А утром, перед поездкой, нормальная была. Как всегда, спросила про здоровье, помогла в автобус сесть.

— А вот ничего и не показалось! Она грустная такая была, как будто задумала что. А когда машина останавливаться стала, Мишка дверь дернул, и мы все выскочили.

— Перепугались, небось?

— Да что вы, дядь Сереж! Совсем не страшно было, только немного поцарапались. Скорость-то маленькая! А потом матушка быстрее поехала, зигзагами, вот здесь вот, видите? А потом резко в овраг свернула и прям вон в тот вяз. Как бабахнуло!

— Ага, правда! Мы подбежали, а там горит все, и не подойдешь!

— И матушка горит, вся в огне, но не кричала, вообще не двигалась.

— Да, мы подошли, насколько могли, думали, помочь чем можно!

— А как поняли, что ничего уже не сделаешь, сразу к вам! Надо же в таких случаях в полицию сразу, правда? А вдруг вы улики какие найдете? Чтобы не затоптал никто! Мы даже родителям еще не сказали, только вам.

— Да родители все равно еще на работе... Вон, смотрите, еще дымит!

Весенняя грязь комьями налипает на сапоги, мешает идти. До оврага от проселочной дороги еще шагов тридцать. Как им удастся так быстро бежать? Молодые, беззаботные. Для них происходящее — эдакое развеселое приключение: вон как глаза горят! Еще бы, в нашей-то глуши — и такое случилось! Не в кино, не в книжках! Не знают еще ребятишки ни горечи смерти, ни горечи разлуки. И ведь не сказать, что особо жестокие они. Дети как дети. Все для них пока как игра.

Конец апреля. Уже зазеленели листья на ольхе и вязах вдоль оврага, по широкому дну которого неспешно журчит речка Тязьма — где ручеек на вид, а где и не перепрыгнешь. Серое, пасмурное небо касается земли прохладным ветерком, заставляя плотнее запахнуть выдавшее виды пальто.

Отсюда уже хорошо видно, как дымится растущий на склоне оврага большой вяз и уткнувшиеся в месиво обгоревших веток, недотаявшего черноватого снега и весенней грязи останки микроавтобуса, на котором монахиня местного монастыря сестра Фаина возила курихинскую детвору в соседнюю школу. Стекла разбиты, нос

машины всмятку. В обгоревшем черном месиве на переднем сиденье опознать кого-то невозможно, но Сергей понимал, что это она, и ошибки тут быть не может.

«Вот, значит, как все кончилось... И что же тебя в монастырь этот потянуло-то? К горю, к смерти... Жили бы, как прежде... Ну, не сахар я, но... Вернулась бы, не было б сейчас беды...»

— Дядь Сереж, вы плачете?

Фокин потрепал вихрастую голову с любопытством глядящего на него мальчишки, заставляя себя улыбнуться.

— Молодцы, ребята, правильно все сделали. А теперь бегите домой! Вы же не хотите тут все следы затоптать? Правда? Ну, айда!

Ни к чему расслабляться: впереди куча формальностей. Событие чрезвычайное. Сейчас надо звонить в область, звать специалистов, все грамотно запротоколировать. Потом похороны. Над гробом скажут много теплых и прекрасных слов и... постепенно начнут забывать о погибшей, как будто не жила она на земле, а лишь снилась. Схоронят тело в землю, а память — в сухие строчки полицейского рапорта.

И тяжелым камнем непоправимого в его душу.

2

— *И сотвори ей ве-е-е-ечную память!*

Тихий, тускловатый голос отца Павла уносился ввысь под старинные своды, взлетал под купол монастырского храма и затихал в темной

вышине, прорезаемой желтыми лучами заходящего солнца. Жалобно звенели бубенцы кадилницы, полупрозрачными облачками поднимался белесый дымок ароматного ладана. Старинные лики святых смотрели с настенных росписей величественно, со сдержанным сочувствием, как будто присоединяясь к молитвам немногих стоящих в храме людей.

Настроение было тягостное, разум цепенел и отказывался верить произошедшему. Смерть монахини — явление из ряда вон выходящее, особенно когда сестер в монастыре и так наперечет, когда каждые руки на вес золота. А уж когда уходят такие, как Фаина...

Хотя страшная весть по поселку разнеслась быстро, в храме почти никого не было: многие еще не вернулись с работы, а монахини были на послушаниях. Впрочем, сочувствовать и прийти в неурочное время в храм, помолиться о упокоении духовной сестры готовы были не все.

— Разбилась? Я так и знала! Самоубийство — дорога в ад, так и знайте, батюшка! — с явным удовольствием, нарочито громко отчеканила монахиня Авделая, уже много лет бывшая заведующей монастырской библиотекой, еле дослушав скорбную весть. — И для нее, и для тех, кто за нее молиться вздумал. Уж священнику-то такое знать положено. Хотя какие уж теперь священники?! Так, для видимости, только кадилом махать!

Торжествующе скользнула взором по худощавой фигуре молодого священника.

— Да что ж вы так, сестра!.. Еще ведь неизвестно, отчего это произошло! Может, сознание потеряла или приступ сердечный. Что же сразу самое плохое подозревать? Да хоть бы и так! Это же наша сестра Фаина, не посторонний кто! Как же не помолиться? — негромко проговорил отец Павел, стучавший в молчаливые двери монашеских келий.

— Еще чего не хватало! И так все ясно: люди врать не будут. — Слова старушки бодрым эхом отскакивали от стен полутемного коридора. — Уж больно самоуверенная да шустрая Фаина ваша была. Все страстишки играли, выпячивала себя, вот и не довело это до добра! И сама навеки погибла, и монастырское имущество угробила!..

— Что раскричалась, сестра? Пожар, что ли? Кто погиб, что за имущество? — выглянула в коридор благочинная¹, монахиня Ёрмия.

Авделая фыркнула, сверкнув глазами, и молча скрылась, хлопнув дверью.

— Сестра Фаина скончалась... Разбилась... Некоторые тут считают, что сама она себя... но я в это не верю... иду в храм служить панихиду. Пойдете? — с видимым трудом произнес отец Павел.

¹ Благочинная в женском монастыре — должность с широкими полномочиями. В задачи благочинной входит забота о своевременном исполнении всех монастырских работ (послушаний) и церковных богослужений. Как правило, второе по значимости лицо после настоятельницы, игуменьи. — *Здесь и далее примечания автора.*

Ермия вздрогнула, закрыв враз посерьезневшее тонкое лицо руками, молча кивнула и вскоре вышла в камилавке² и мантии.

Так вдвоем и пели они в соборе слова заупокойной молитвы, опасаясь нарушить древние правила, но повинуюсь неписаному долгу любви.

3

«Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

Созванные монотонно-печальным зовом колокола, немногие пришедшие на богослужение люди не могли скрыть слез и недоумения. Поверить в случившееся было невозможно. Казалось, уж кто-кто, но не Фаина — бодрая, молодая, всегда готовая прийти на помощь — могла уйти из жизни так неожиданно, так трагически. А еще этот мерзкий слушок...

— От самого рождения Господь привязывает нас к земле невидимыми нитями любви, родственных отношений, веры, надежды. Дает нам познать, что такое любовь и вера, а потом постепенно обрывает эти связи, готовя нас к Небу...

Голос священника дрогнул. Надгробные проповеди отцу Павлу и так давались нелегко, а как говорить в прошедшем времени о человеке, с которым еще утром молились на полунощнице?

² *Камилавка* — головной убор черного цвета с пришитой сзади наметкой — длинным куском легкой ткани.

Красивые слова застревают в горле. Перед лицом торжествующей смерти они кажутся пустыми и легкомысленными. Но и промолчать нельзя. Люди смотрели на него, требуя утешения и объяснения. Все хотели понять, как же такое горе стало возможным? Почему же это случилось здесь и сейчас, а не где-то далеко, среди далеких от Церкви людей?

— Никто из нас не останется на этой земле, все мы рано или поздно пройдем путем смерти. Но это — лишь врата. И ведут они нас туда, куда мы искренне стремились всю свою жизнь: либо к вечной славе, либо к гибели. Конечно, мы надеемся, что наш жизненный путь оборвется не так... не так трагично... Тут болтают всякое. Я не знаю, что произошло сегодня утром, но не верю, что наша сестра Фаина могла решиться на самоубийство!.. Не верю в это! Да и как нам сейчас бросить без молитвы душу человека, с которым каждый из нас хорошо знаком уже много лет и о ком не может сказать ничего плохого? Помолимся, чтобы Всеблагой Господь простил новопреставленной монахине Фаине все ее прегрешения и упокоил в вечных Своих селениях. Ей сейчас как никогда нужна наша поддержка...

Спину Сергея грело заходящее солнце, отбрасывая перед ним на пол храма длинную черную тень, вписанную в яркий оранжевый прямоугольник. Крепко сжатая в руке свеча надломилась, и горячий воск янтарными каплями медленно капал на руку, а с нее — на каменный пол. Но

участковый не замечал боли. Удары сердца отзывались в висках, безжалостная память напоминала о страшной утренней находке. Казалось, если он пройдет вглубь храма, ближе к панихидному столику, то снова увидит то, что хотел бы забыть больше всего на свете: обгоревшее тело своей бывшей жены посреди начинающей оживать после долгого зимнего сна природы.

Молился ли он? Был ли верующим? Сергей и сам затруднился бы ответить. В храм он ходил редко, да и не чувствовал в этом особой необходимости. Но сейчас... Сейчас он где-то в глубине души понимал, что все происходящее нужно и важно, пусть даже он и не может объяснить почему.

А еще его душу глодало чувство вины. И сделать с этим он уже ничего не мог.

4

Стихло пение панихиды. Люди неторопливо подходили к панихидному столику, ставили догорающие свечи на подсвечники, брали благословение у отца Павла и молчаливо тянулись из храма, крестясь на выходе.

— Спасибо, отец! — сдержанно произнес Сергей, неумело прилаживая сплюснутую свечу на канон³. — Ради ее памяти — спасибо. Она

³ *Канон*, *канун* или панихидный столик — невысокий прямоугольный столик с подсвечниками и лампадой перед изображением Распятия, на который ставят свечи за упокой души.

была бы рада, наверное... Не будет у тебя потом проблем?

— Не знаю, Сергей Семеныч, надеюсь, нет. Бог не выдаст, как говорится, а совесть моя чиста... Ну не могла она сама так, не могла! И кто только слухи эти распускает? — Волнуясь, проговорил отец Павел. — Она нас всегда ободряла, поддерживала и чтобы так, без всякой причины опустила руки... Да и от чего? Нет! Не знаю, как ее поступок объяснить, скорее всего, сердечный приступ, поломка какая, но чтобы самоубийство — нет! Запретит владыка — не буду в храме поминать. Но кто может запретить помнить и молиться?

— Правильно, батюшка! Не могла она сама! — уверенно встряла в беседу бойкая румяная старушка лет восьмидесяти. Даже в такой момент Никитишна не могла не быть в центре внимания, зная все и про всех, неизменно собирая вокруг себя кружок удивленных слушателей.

— Я поначалу и в храм-то идти не хотела, потому что грех на ней и на всех тех, кто за нее молиться вздыхает! А потом поняла: да не виновата она! Не виновата! Это все происки нечистой силы. Это проклятие! Нет, не перебивайте, батюшка! — решительно пресекла она едва заметное движение священника. — Бес попутал ее, не иначе! С толку сбил. Не слушаете меня, а я вас всех уже не раз предупреждала. Сны не лгут! Проснулось старое проклятие, проснулось и коснулось Фаинушки нашей, голубицы чистой! Вот рассудок-то ейный и помрачился, и к гибели ее лукавый бес

привел! А я знала, что так будет, я же всем давно уже говорю! Да вы ж разве слушаете? Что, дескать, глупая старуха болтает? А вот что случилось! Не к добру было знамение, не к добру! И сны тревожные были! А сегодня ночью опять огни в заброшенной часовне играли! Это бесы ликовали перед смертью Фаинушкиной!

— Ну что вы говорите такое, Мария Никитична? Какие бесы, какие огни?

— Самые натуральные бесы, батюшка, из преисподней! А кто ж еще в ту часовню ночью пойдет? Людям там делать нечего! Страшные вещи там творятся! Недаром старики говорили, что проклята она, и в незапамятные времена монах там повесился от запретной любви. Вот душа его неприкаянная и мается, мается и других к себе в ад зовет! И Фаиночки-то нашей душа теперь маяться будет и вокруг нас летать. Еще придет, попугает! А кого и с собой заберет! Особенно деток берегите, водичкой святой кропить не забывайте!.. И не затыкайте мне рот, пожила на свете, знаю, что говорю! Весь наш поселок прокляли, порчу навели. Есть у бесов помощничек-подельник! И я знаю кто, знаю!

— Да ладно тебе, что говоришь такое! Кто же это у нас такое сделать-то мог?

— Кто? А то некому? Безбожников — полсе-ла! Да хоть бы и Кошкин ваш, блудник безбож-ный... Но не только он, похабник! Я же все вижу. Вижу, кто из вас чем занимается! Вижу, кто всех обманывает, невинной овцой прикидывается,

а о великом грехе мечтает! Вот результат, смотрите: монашку с толку сбили, до смертного греха довели! — Бросив победоносный взгляд на нахмурившегося участкового, она бодро продолжила: — Все в свое время скажу! Никто не скроется от суда Божьего! Смерть Фаины — это только начало. Не просто так в часовне огни мелькают да завывают жуткие голоса...

— «И мертвые с косами стоят», да, Никитишна? Старушка аж побагровела от негодования.

— Вот вы все смеетесь, а ведь досмеетесь! Еще попомните мое слово: прокляли и монастырь, и все Курихино! Люди бесовские дела делают, с нечистой силой играют! Но чаша Божьего гнева переполнилась! Много теперь смертей будет. Много!